

Встреча для вас

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: «СЧАСТЬЕ—ЭТО СОВПАДЕНИЕ»

— Вы пришли в поэзию в шумной компании ершистых молодых людей. Изменило ли вас время!

— Человек не может прожить, не понеся потерь. Я думаю, что состарившие меня годы пошли на пользу. Теперь я стала держаться дальше от привычного, шумного, эстрадного, от всего, что делала когда-то с моими знаменитыми коллегами. Я не скучаю и не грущу о том времени. Изменилась ли я? Наверное, стала получше, понежнее, добрее. Что касается моих знаменитых коллег, то, как говорится, что написано пером... Я не отрекаюсь и никогда не отрекалась от строчек, посвященных им. Мы поровну разделили с моими собратьями все, что выпало нам, и сегодня сохранили отношения благородные, хотя наши художественные устремления пошли разными путями. Разве что с Булатом Окуджавой все осталось по-прежнему: те же счастливые совпадения. Мы по-прежнему понимаем друг друга, нам рядом хорошо, мы легко умеем смеяться вместе. И еще

много нежного хотелось бы сказать во славу Булата, его глуховатого голоса, его слова. Обстоятельства литературной жизни Окуджавы изменились к лучшему, хотя и помнится еще лютее отношение критики к драгоценному слову его песен. Теперь критики смягчились, а людская любовь не убывала. Я видела многих, претерпевших испытания благодеянием. Это самое большое искушение. Булат не изменился: тонок, уязвим, доблестен, неврещим в совести.

— В «Дачном романе» вы написали: «Хочу соврать и не совру, как ни мучительно мне правда...».

— Я рада, что вы говорите

о «Дачном романе», о нем вспоминают редко. Но за этими строчками не стоит усматривать большего, чем им отведено. В стихотворении у них совсем другая нагрузка, не многозначительная, а шутилка, скорее. В другом своем стихотворении я написала: «И не настолько живы губы наши, как им подчас советуется судьба». Это верно.

— Не возвращаясь больше к цитатам, позвольте еще одну, последнюю: «Стихотворения чудный театр...» Что это, декларация!

— Ни в коем случае. Стихи — это стихи, театр — это театр, очень любимое мною волшебное искусство. К театру, артистам отношусь очень трепетно. Это с детства, со «Снежной королевы», откуда меня выводили, потому что своими рыданиями я мешала артистам. Впрочем, по сей день не уверена, что такой плач может помешать.

Судьба моя сложилась так, что в какие-то периоды своей жизни я каждый день выхожу на сцену. И в этом есть ответственность не только поэта, но и лицедея, ответственность за свои действия, за тех, кто сидит в зале. Поклоняясь свече и белому листу, ты еще должен быть актером некоего театра:

— Но разве не вместе с поэ-

зией приходят к вам счастливые мгновения!

— Менее всего я рассчитывала когда-то на счастье. Все началось странно, нежданно, и когда я опомнилась, уже свершилось. Уже было решено за меня, начиная с детских писаний. И путь этот от меня не был зависим. Счастье — это совпадение, осознанные мгновения бытия. Иной раз не догадываешься, что выпавший тебе миг — и есть счастье. Мое счастливое время, когда зимой обычно я съезжаю куда-то и там пишу.

— За немалые годы работы в поэзии у вас вышло всего восемь книжек...

— Да, восемь... Сравнительно с моими коллегами примечательно мало. Но я горжусь, что мало. Я никогда не спешила, издатели предлагали — не отказывалась.

— Даже в Тбилиси, где гости готовы отдать, кажется, все, — добыть ваши «Сны о Грузии», изданные в местном издательстве «Мерани», оказалось делом невозможным, хотя они выходили там не один раз.

— Моя связь с Грузией осо-

бого свойства. Они все там фантастически музыкальны. И поющие, и пишущие. И еще чрезвычайно добры и щедры. И находят те же качества в других.

«Сны о Грузии» — стихи, переводы, проза — наиболее полная моя книжка. Может быть, это и не очень хорошо. Поэту никогда не мешала недосказанность.

— В ваших стихах немало о Пушкине...

— Часто он даже не назван по имени. Разве я одна должна быть благодарна ему и тем, кто к нему восходит — Лермонтову или Тютчеву, или позднее — Цветаевой, Ахматовой, Пастернаку. Конечно же, все они повлияли на меня. Это удел невежды — не принять к душевному сведению то, что сделано до тебя, делается сейчас. Пушкин же... я ощущаю его всегда, это судьба многих, ибо достает Пушкина на всех. Одну из своих книжек Цветаева назвала «Мой Пушкин». Сказать так о нем могут многие.

Вел беседу
Н. ХРУСТАЛЕВ.